М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Научная деятельность академика Александра Сергеевича Орлова (1871—1947)

(По архивным материалам)

В 1987 г. исполнилось 40 лет со дня смерти академика А. С. Орлова. С 1932 г. он стоял во главе Отдела древнерусской литературы, руководил Отделом русской литературы XVIII в., был заместителем директора Пушкинского Дома. Его труды по средневековой литературе и литературе нового времени общеизвестны, и в истории науки он занимает особое место. А. С. Орлов умер 6 марта 1947 г., а 17 мая состоялось совместное заседание Сектора древнерусской литературы и Сектора новой литературы Пушкинского Дома, посвященное его памяти. На этом заседании были прочитаны два доклада: 1) «Академик А. С. Орлов — литературовед, художник и педагог» (докл. В. П. Адрианова-Перетц); 2) «Академик А. С. Орлов (жизнь и деятельность)» (докл. П. Н. Берков). Отчет об этом заседании сохранился в архиве канцелярии Пушкинского Дома, переданном позже в ЛО Архива АН СССР (ф. 150).

Открывая заседание, В. П. Адрианова-Перетц сказала: «А. С. Орлов был разносторонний ученый, никогда не замыкавшийся в рамках своей специальности. Характерной особенностью всех работ А. С. Орлова является глубокий историзм, прекрасное знание фактического материала. Как человек А. С. Орлов всегда был чутким и добрым нашим старшим товарищем». Основные положения доклада В. П. Адрианова-Перетц позднее развила во вступительной статье к посмертно изданной книге А. С. Орлова «Язык русских писателей» (М.; Л., 1948), где подробно охарактеризовала многостороннюю научную деятельность ученого. К 75-летию А. С. Орлова, за год до его смерти, был издан очерк В. П. Адриановой-Перетц о его научной деятельности.[1] Список статей об А. С. Орлове был приведен П. Н. Берковым в библиографическом указателе, напечатанном в 5-м томе ТОДРЛ. Неоднократно писали об Орлове В. П. Адрианова-Перетц, В. Н. Перетц, Н. К. Никольский, И. П. Еремин, В. И. Малышев; яркие воспоминания об ученом принадлежат Д. С. Лихачеву.[2]

Почти сразу после смерти А. С. Орлова (в 1947—1948 гг.) его вдовой, Марией Митрофановной Орловой, в Архив АН были переданы на хранение многочисленные бумаги, записи, дневники, письма, статьи Орлова. Этот обширный архив (291 ед. хр., не считая 200 номеров писем к А. С. Орлову) до сих пор не изучен в полной мере. К нему почти не обращались исследователи. Кроме В. П. Адриановой-Перетц, впервые издавшей работу А. С. «Мысли о положении работ по литературе русского средневековья» [3] и статью о языке Н. С. Лескова, оставшуюся при жизни автора

---

[1] См.: Вестн. АН СССР. 1946. № 4.
[2] Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Л., 1985.
[3] Изв. АН СССР. ИОЛЯ. Сер. лит. и яз. 1947. Т. 6, вып. 2.

© М. В. Рождественская

незаконченной,[4] а также подготовившей к печати второе издание «Библиографии русских надписей XI—XV вв.» (1-е изд. — 1936, 2-е — 1952), которое она редактировала, никто архивом А. С. Орлова всерьез не интересовался.

Между тем, несмотря на то, что все самое важное для себя как ученого А. С. Орлов, по-видимому, высказал в своих печатных работах и научных выступлениях, несмотря на то, что его архив, как и большинство научных архивов, — это черновые варианты и подготовительные материалы к изданным работам, все же, знакомясь с этим архивом ближе, мы яснее понимаем А. С. Орлова как ученого и как человека.

Основные биографические сведения об А. С. Орлове были даны в указанном выше очерке В. П. Адриановой-Перетц к 75-летию со дня рождения ученого. Не освещая их подробно и не повторяя, обратим внимание лишь на те, которые считала важными подчеркнуть сама В. П. Адрианова-Перетц. Это работа молодого А. С., готовящегося к магистерскому экзамену, в библиотеке Московской Синодальной типографии в качестве библиотекаря. Огромное число рукописей прошло через его руки. На всю жизнь работа с рукописными источниками стала основополагающей для ученого. А. С. Орлов сделал общий обзор всех трех отделов Синодальной библиотеки — рукописного, печатных книг, архивных материалов, относящихся к истории первой русской типографии. Кроме того, он составил Описание рукописных сборников.[5] Адрианова-Перетц назвала это описание «образцовым». Она писала, что в результате работы в Синодальной библиотеке А. С. Орлов стал «знатоком техники древнерусской книжности». С 1906 по 1930 г. А. С. вел преподавательскую работу на Высших женских курсах, учрежденных В. А. Полторацкой, в Московском университете, в Литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова, а с 1930 г. — в Ленинградском университете. Достаточно хорошо известно мастерство А. С. Орлова как лектора: его чтение текстов древнерусских памятников перед студенческой аудиторией, в котором он следовал примеру своего учителя В. О. Ключевского, было, по свидетельству многих слушавших его лекции, поистине «художественным чтением». Педагогическая деятельность А. С. Орлова, стремление осознать древнерусские тексты не только как памятники исторического прошлого, но и как литературу, развивавшуюся по своим, присущим ее средневековому характеру законам, сказалось и во многих его научных работах. Интерес А. С. к «художественности», стилю и языку этой литературы, как и русской литературы классического периода, никогда не ослабевал. Так, например, в 1924—1925 гг. на факультете общественных наук при I МГУ он вел семинарий «Стилистический анализ русской художественной прозы XI в.» и семинарий по стилистическому анализу русской художественной прозы XIX в. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в фонде А. С. Орлова конспекты, программы курсов, тетради с подробным разбором каждого студенческого доклада, прочитанного на этих занятиях (оп. 2, № 26). Обозревая архивные материалы, сохранившиеся в фонде Орлова, уделим более пристальное внимание этим аспектам научных стремлений ученого.

Весь архив А. С. Орлова делится на три основные части.

I. Биографические материалы и материалы, связанные с научно-педагогической деятельностью ученого в различных учреждениях (в Московском и Ленинградском университетах, в РАНИОН, ЛИФЛИ, Музее книги, документа и письма, в Академии наук, в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, в Московском археологическом обществе, в Комиссии по изданию памятников древнерусской письменности, в Московском обществе любителей российской словесности, в Комиссии по

---

[4] Орлов А. С. Язык русских писателей. М.; Л., 1948.

[5] Орлов А. С. Библиотека Московской Синодальной типографии. Ч. 1. Рукописи: Сборники. Вып. 1. М., 1896.

составлению Синхронистической таблицы, в Комиссии исторических знаний, в Пушкинской комиссии ИЛИ и Редакционном совете академического издания А. С. Пушкина, в ИЛИ и его Ученом совете, в Ученом совете Архива АН); документы по организации празднования 750-летнего юбилея «Слова о полку Игореве», по работе Казахского филиала АН и др. В этой группе материалов особое место занимают записные книжки, дневники ученого и дневниковые записи его жены Марии Митрофановны.

II. Черновые рукописные и машинописные варианты работ А. С. Орлова. Здесь же конспекты его лекций, читанных на Высших женских курсах В. А. Полторацкой, в I МГУ, в ЛГУ, варианты изданных курсов А. С. Орлова по древнерусской литературе; конспекты статей и книг других исследователей, сделанные А. С. Орловым, списки с рукописных текстов древнерусских сочинений, описания рукописей (например, «Описание русских и славянских рукописей бывшего Музея палеографии Академии наук (оп. 1, № 47), занимающие три общие тетради), многочисленные отдельные выписки из древнерусских рукописей, палеографические, эпиграфические материалы, материалы по сфрагистике, генеалогические таблицы русских князей и царей московских, географические карты, Сводная азбука по датированным рукописям XI—XVII вв. (таблицы фотоснимков с приложением перечня использованных рукописей — оп. 1, № 100). Имеются и подлинные материалы XVII—XVIII вв., например «Вводная грамота новгородского воеводы кн. Даниила Ивановича Мезецкого на поместные земли в Бежецкой пятине, в Никольском погосте, отданные Варфоломею и Евтихию Ушаковым», от 22 марта 1622 г. (приложена печать Великого Новгорода); или: «Наказная память окольничего и Казанского воеводы Федора Бутурлина Григорию Варянову о размежевании поместных земель в Казанском уезде», 1657—1658 гг.; ряд деловых документов конца XVII—начала XVIII в.

Некоторое представление о деятельности А. С. Орлова в разного рода научных обществах и учреждениях дают следующие документы (ф. 763, оп. 2, № 22, л. 2): «От 2 дек. 1908 г. Милостивый государь Александр Сергеевич! Имею честь уведомить Вас, что Отделение русского языка и словесности в заседании своем 29 ноября с. г. постановило избрать Вас в члены Комиссии по изданию Памятников древнерусской письменности, председателем коей состоит ординарный академик В. М. Истрин. Председательствующий — А. Шахматов». За год до этого, в октябре 1907 г., А. С. Орлов был избран действительным членом императорского Общества истории и древностей Российских, о чем свидетельствует письмо от 4 октября 1907 г. (оп. 2, № 20, л. 5): «Милостивый государь Александр Сергеевич! Императорское Общество истории и древностей Российских в заседании своем 29 сентября с. г. во внимание к ученым трудам Вашим признало Вас своим Действительным Членом. Приветствуя Вас с сим избранием, Общество питает живейшую надежду на Ваше деятельное и внимательное участие в его ученых трудах».

В 1907 г. Академия наук отметила Малой Уваровской премией исследование А. С. Орлова о древнерусских Повестях о взятии Азова, начатое им в 1890-х гг. В 1893 г. А. С. выступил в Славянской комиссии Московского археологического общества с докладом «Сказочная повесть о взятии Азова», положившим, по словам В. П. Адриановой-Перетц, «начало больших исследований».[6] Еще в студенческие годы Орлов стал посетителем научных заседаний Славянской комиссии, был ее секретарем, а позже председателем; с 1896 г. печатался в ее изданиях и в «Чтениях» ОИДР при Московском университете.

Труды самого А. С. Орлова, сохранившиеся в его архиве, условно группируются по разделам: 1) древнерусская литература, 2) древнерусская

---

[6] Адрианова-Перетц В. П. Академик А. С. Орлов: (К 75-летию со дня рождения) // Вестн. АН СССР. 1946. № 4. С. 51.

письменность, 3) язык русской литературы, 4) стиль русских писателей XVIII и XIX вв., 5) казахская литература и язык (это две тетради казахско-русского словаря, составленного А. С. Орловым, его перевод казахских сказок и былин, статья «Казахский язык. Синтаксические особенности», выписки параллелей из русских былин к казахским былинам; перевод стихов с казахского языка и, конечно, черновые подготовительные материалы к книге А. С. Орлова «Казахский героический эпос», увидевшей свет в 1945 г.). *Здесь имеются также работы А. С. по агиографии* (обзор редакций Киево-Печерского патерика; части статьи о южнорусской переделке «некнижного» Жития Николая Мирликийского для сборника в честь В. О. Ключевского, вышедшего в печать в 1909 г., записи исследовательского характера о «Житии Иоанна Суздальского» и некоторые другие материалы). Здесь и труды А. С. Орлова по палеографии и эпиграфике (например, рукопись об «амулетах и змеевиках» из коллекции ГИМ, рукописный и машинописный варианты работы А. С. о русских надписях XI—XV вв. с его правкой и т. д.).

Большая часть научных работ А. С. Орлова сохранилась в его архиве то в виде начальных выписок, то в виде проспектов будущих статей или книг, черновых вариантов готовых работ или конспектов. Так, в архивных материалах нашла свое отражение работа А. С. Орлова над изучением стиля «воинских повестей»,[7] исследованием репертуара сборников постоянного состава, их судьбой в древнерусской письменности,[8] работа над Повестями об Азове,[9] над изданием и исследованием текста «Домостроя»[10] (оп. 1, № 22). Это 13 общих тетрадей с заметками, археографическими обзорами, описанием рукописей, отдельные выписки, карточки — всего 3119 листов. Именно с изданием «Домостроя» связано одно из писем А. А. Шахматова к А. С. Орлову: «Этот памятник, — писал А. А. Шахматов, — некогда очень интересовал меня, и я с удовольствием жду свободного времени для прочтения Вашей книги».[11] 23 июля 1917 г. В. Н. Перетц сообщал А. С. Орлову о согласии А. А. Шахматова принять его исследование о «Домострое» в качестве диссертации на докторскую степень. Оппонентами диссертанта предполагались А. А. Шахматов и И. Я. Шляпкин (оп. 3, № 100). Сохранились машинопись с правкой автора и черновой экземпляр рукописи книги А. С. Орлова о Владимире Мономахе (Введение, гл. I—XI. 708 л. (оп. 1, № 45)), рукопись двух вариантов статьи и тетради с подготовительными материалами об Иване Грозном (оп. 1, № 46), материалы разнообразного характера по «Слову о полку Игореве» и т. д.

III. Письма к А. С. Орлову очень большого числа лиц (200 корреспондентов). Среди них научный интерес представляют письма В. П. Адриановой-Перетц, Д. В. Айналова, акад. В. М. Алексеева, С. Д. Балухатого, Т. И. Белецкого, П. Н. Беркова, Е. Ф. Будде, И. А. Бычкова, Г. А. Гуковского, И. П. Еремина, А. Е. Крымского, В. И. Лебедева-Полянского, Н. О. Лернера, И. И. Мещанинова, Л. Б. Модзалевского, Н. К. Никольского, С. П. Обнорского, В. Н. Перетца, С. Ф. Платонова, В. Ф. Ржиги, П. Н. Сакулина, М. Н. Сперанского, М. И. Соколова, Ю. М. Соколова, С. К. Шамбинаго, А. А. Шахматова.

Особое место занимает переписка юношеских лет А. С. Орлова с родителями (она невелика), с невестой М. М. Грачевой (более обширная).

Хронологически письма охватывают почти всю сознательную жизнь А. С. Орлова; одно из самых ранних (не имею в виду семейную переписку)

---

[7] Орлов А. С. *Об особенностях формы русских воинских повестей. М., 1902.*

[8] Орлов А. С. Сборники Златоструй и Торжественник. СПб., 1905.

[9] Орлов А. С. 1) Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. М., 1906; 2) Особая повесть об Азове 1637—1641 гг. М., 1907.

[10] Орлов А. С. Домострой. Ч. 1. М., 1917 (Тексты).

[11] См.: оп. 3, № 160, л. 1. Письмо датировано 6 ноября 1908 г.

датируется 1898 г. (М. И. Соколову — университетскому учителю А. С.). Писем А. А. Шахматова сохранилось в архиве А. С. Орлова всего четыре (оп. 3, № 160), часть их уже приводилась. Сохранилось всего два письма С. К. Шамбинаго (оп. 3, № 158), оба краткие, о присылке рукописей статей в ТОДРЛ. Однако хорошо известно, что с С. К. Шамбинаго А. С. Орлов состоял в более тесной переписке, стилизуя ее под определенные древнерусские послания. В архиве хранятся также только два письма В. Н. Перетца (оп. 3, № 100): одно уже приводилось, другое написано по случаю дня рождения А. С., от имени Владимира Николаевича и Варвары Павловны «и от той небольшой группы словесников, которые, не прельщаясь легкими лаврами современности, работают по изучению древнерусской стилистики, чему Вы положили основание в Ваших прекрасных и содержательных работах. Позволяем себе выразить надежду, что в ближайших работах Вы снова вернетесь к этой мало навещаемой учеными области и, пользуясь Вашей редкой начитанностью в памятниках, подарите нас еще многими интересными и важными открытиями. Уважающий Вас и преданный В. Перетц» (оп. 3, № 100, л. 3). Письма самой В. П. Адриановой-Перетц относятся в основном к «казанскому» периоду ее жизни (в эвакуации во время Великой Отечественной войны) и адресованы в Казахстан, в «Курорт Боровое», где жил в это время А. С. Орлов. В. П. подробно сообщала А. С. Орлову, оторванному от основной группы «древников», об их работе в Казани, когда завершалось написание и редактирование второго тома академической Истории русской литературы. В. П. посылала А. С. Орлову свое Заключение к древнерусской части Истории. Отклик на это Заключение приведен в нашей работе об истории Сектора (Отдела) древнерусской литературы Пушкинского Дома (ТОДРЛ. Т. 42. С. 34). Видимо, А. С. Орлов отправил В. П. в Казань более подробное письмо, так как в его архиве сохранился ответ В. П. от 17 января 1943 г. (оп. 1, № 1):

«Глубокоуважаемый Александр Сергеевич! Очень благодарна Вам за внимательный разбор Заключения. Конечно, все Ваши замечания я постараюсь реализовать в меру своих сил».

Отношение А. С. Орлова к В. П. Адриановой-Перетц как редактору, к чьему мнению он прислушивался, видно из его письма в Казань (март 1944 г.?): «Глубокоуважаемая Варвара Павловна, моя статья о „Повести 1606 г. . . .“, вероятно, пролежит в Казани. Мне бы хотелось, чтобы за время пребывания ее там Вы ее просмотрели и критически обсудили с товарищами как доклад в ОДЛ. . . Мне было бы отрадно получить от Вас отзыв о моей работе, как свидетельство научной связи» (здесь и далее подчеркнуто А. С. Орловым. — *М. Р.*).

Сохранилось 15 писем Д. С. Лихачева к А. С. Орлову, датируемых 1938—1944 гг. (оп. 3, № 72), подробно рассказывающих о работе ленинградских «древников» в Казани.

В архиве А. С. Орлова следует выделить работы, присылавшиеся ему на отзыв и для рецензий, оттиски статей с дарственными надписями авторов и другие.

Особо остановлюсь на Каталоге книг личной библиотеки А. С. Орлова, составленном самим А. С. и частично М. М. Орловой. Поскольку основная часть этой библиотеки сейчас хранится в Отделе древнерусской литературы ИРЛИ (многие книги с пометами владельца), интересно сопоставить по картотеке ее состав с наличным составом библиотеки А. С. Орлова в Отделе. Однако это задача отдельной работы.

В библиотеке широко представлена история русской литературы — древней и новой (курсы истории литературы, учебники, хрестоматии, история жанров — романа, повести; издания отдельных памятников, летописание, агиография), история русского языка, история славянских языков,

диалектология, славянская филология, история западноевропейских языков. Значительное место в библиотеке А. С. Орлова занимают история письма, книговедение, история книгопечатания (труды по палеографии и другим вспомогательным дисциплинам, архивному делу, археографии: описания рукописей, путеводители по книгохранилищам, отчеты об археографических экспедициях, планы, отчеты Академии наук, частичные комплекты Летописи занятий Археографической комиссии); история русской церкви (труды Е. Голубинского, Макария и т. д.), археология (работы о топографии и археологических исследованиях на Таманском п-ове, заметки и сведения о Тмутараканском камне, сборник ИИМК об археологических исследованиях в РСФСР за 1934—1936 гг.; Известия ГАИМК).

Большой раздел по библиографии: библиографические указатели, библиография по «Слову о полку Игореве» (сост. В. П. Адрианова-Перетц), библиография истории древнерусской литературы (сост. В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская), библиографический указатель изданий, опубликованных Академией наук в 1931—1933 гг., указатель художественной литературы в оценке марксистской критики, Библиографический указатель по социалистическому реализму (под ред. Н. К. Пиксанова), Путеводитель по библиографии Маркса, Энгельса, Ленина (сост. А. Г. Фомин), Библиография библиографии Средней Азии (сост. А. Г. Биснек и К. И. Шафрановский), Материалы для библиографии по истории народов СССР XVI—XVII вв., каталог библиотеки Д. Я. Самоквасова, каталог библиотеки Н. А. Попова и т. д. Немало трудов по истории России, истории Византии, истории южных и западных славян, истории стран Западной Европы, истории русской общественной мысли, общественного движения (несколько книг о «деле Петрашевского»), по истории Российской Академии наук и истории науки (Князев Г. А. Краткий очерк истории АН СССР. Л., 1945; Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Ч. 1: А—Л. 1915; Ч. 2: М—Я. 1917; Ученая корреспонденция АН XVIII в. / Научное описание под ред. акад. Д. С. Рождественского. 1766—1782).

История науки представлена в библиотеке А. С. Орлова, например, следующими изданиями, как они обозначены в краткой описи, составленной владельцем: История техники (т. 1, ч. 1); Богаевский Б. Л. Техника первобытно-коммунального общества; Архив истории науки и техники (вып. 8, 9); Пионеры машинной индустрии. Сборник статей под ред. В. Ф. Миткевича; Очерки истории техники докапиталистических формаций, под ред. В. Ф. Миткевича; издания по физико-математическим, геолого-географическим, биологическим наукам. Большое место отведено русскому фольклору и этнографии: здесь и работы фольклористов, этнографов, и издания текстов (особенно исторических песен); несколько работ по древнерусскому искусству (архитектура, миниатюры, живопись), истории русского театра (школьный и придворный театр XVII—XVIII вв.); истории Востока (Труды 2-й Сессии арабистов, изд. в 1937 г.; сборник статей «Africana», работы по истории Китая, о монгольских летописях XVII в., книга Б. А. Тураева «Абиссинские хроники» (Л; М., 1936), труды акад. В. М. Алексеева, работы об истории, экономическом развитии и природных условиях республик Средней Азии и т. д.).

Отдельная часть библиотеки А. С. Орлова — словари древнерусского языка, западноевропейских языков, славянских языков; грамматики греческого и латинского языков, западноевропейских языков, восточных, языков (монгольского, ойротского, кумыкского, ногайского, калмыцкого, шорского, казахского).

Русская классическая литература представлена именами Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, Державина, Радищева, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Батюшкова, Достоевского, Глеба Успенского, Горького — их сочинениями (выборочными: Пушкин представлен собра-

нием сочинений, томом писем; Писемский — письмами; здесь же издания по теме «Пушкин в изображении И. Е. Репина», «Лермонтов в изобразительном искусстве») и работами об их творчестве. Русский XVIII в. представлен работами о переводной литературе (Фенелон), исследованиями о русском романе, о французском романе (на французском и немецком языках); сочинениями Екатерины II в 12-ти томах в издании А. Н. Пыпина, трудами по русской истории XVIII в. Из западноевропейской литературы здесь — Т. Смоллет (Приключения Перигрина Пикля) и С. Джонсон (История Расселаса, принца Абиссинского); из восточной— Ляо Чжай (Рассказы о людях необычайных. Перевод, предисловие и коммент. акад. В. М. Алексеева).

По-видимому, в карточки заносилась А. С. Орловым преимущественно научная литература, и эта «картотека» носит временный характер: записи сделаны карандашом, часто без выходных данных, сокращенно. Очевидно, опись библиотеки была сделана на время ремонта или перестановки книжных шкафов, чтобы не забыть, где что стояло, не нарушить привычный порядок расположения томов. Полагаю, что значительная доля художественных изданий сюда не вошла — в дневниках Марии Митрофановны Орловой, сохранившихся в архиве А. С. Орлова, часто упоминаются книги, которые она брала для чтения в домашней библиотеке, некоторые издания русских поэтов XIX в. и др.

Особого внимания в архиве А. С. Орлова заслуживают те материалы, которые показывают его интерес к языковым процессам, к роли изучения языка при исследовании литературных памятников. Во время Великой Отечественной войны Институт русского языка АН предполагал начать планомерное изучение языка древнерусских памятников и издание их текстов. К А. С. Орлову обратились с просьбой отобрать «наиболее интересные». В связи с этим он писал В. П. Адриановой-Перетц: «Но вообще подбирать литературные памятники по интересности языка — очень большой труд: надо быть настоящим язычником. Особенно трудно точно понять, что именно лингвистов интересует, ведь не одна же фонетика, отраженная письмом? Но, например, — лексика, фразеология, „стиль“ языка? Если широко отнестись, то ведь всякий художественный памятник „интересен для истории языка“. Вообще об этом надо совместно беседовать, писать наметки перечней, пересматривая каталожное сырье и т. д. А главное, читать рукописи. . . Необходимо изучение наново Горского и Невоструева, Востокова и т. д. Вот, теперь только чувствуешь отсутствие таких библиотекарей, как Н. П. Попов! Или таких начетчиков, как Соболевский!» (оп. 1, № 1).

Все без исключения мемуаристы вспоминают о необычайно образном языке самого А. С. Орлова, и подтверждение этому мы находим отчасти в его архивных материалах. На упоминавшемся заседании памяти Орлова (17 мая 1947 г.) В. П. Адрианова-Перетц, между прочим, говорила: «Методология и методика языка всегда его интересовали. Знакомство с церковнославянским языком он считал необходимой ступенью в изучении русского языка. А. С. интересовался языком крестьян; знал прекрасно купеческий язык, разделяя его всего, как он выражался, „на две половины“: мужской язык и женский». Адрианова-Перетц отмечала высокую культуру слова самого Орлова. «Устная речь А. С. всегда отличалась большой выразительностью, яркостью характеристик и неподдельным юмором». М. М. Орлова отмечала в своем дневнике: «Конечно, если бы он только записывал то, что говорит, было бы не так хорошо, потому что в это время надо видеть его лицо, его веселые глаза, слышать его интонации» (оп. 2, № 51). И в другом месте: «Вечером А. С. учил каких-то молодых людей. Под конец все чаще и чаще раздавался смех. Это всегда бывает, когда А. С. начнет о чем-нибудь рассказывать. Я себе объясняю это тем, что он вообще воспринимает мир и представляет его себе в несколько юмористи-

ческом виде. Очевидно, это свойство его натуры. . . У него сейчас же является образ в смешном виде». Такие «образы в смешном виде», создаваемые в устной речи А. С. Орловым, рассыпаны в дневнике Марии Митрофановны. Она рассказывала мужу о своем посещении буддийского храма в Петрограде вместе с приятельницей. В этом глухом месте тогда случались частые нападения на прохожих. «Когда мы рассказывали Саше, что нас могли бы ограбить в буддийском храме — серьги снять и так далее, он сказал: „Это и в православном могли бы“». Еще один пример из дневника М. М.: «Рассказывала Саше выдержки из книги В. Инбер. Назвала одного персонажа: Авель Евсеевич. — „Ага, — сказал он, — а Каин Иванович что делает?“» Эти примеры можно было бы умножить.

Но и письменное слово А. С. Орлова также всегда было окрашено его индивидуальностью. В. П. Адрианова-Перетц писала ему в 1940 г.: «Редактировать или вообще что-либо дополнять или изменять в Ваших статьях не берусь: у Вас есть свой своеобразный стиль» (оп. 1, № 1). И в документах разного характера, разного времени мы можем наблюдать эту особенность языка А. С. Орлова. Вот, например, частично цитировавшееся мной в другом контексте в статье по истории Сектора (Отдела) древнерусской литературы ИРЛИ неоконченное письмо А. С. Орлова 1943 г. из Борового В. П. Адриановой-Перетц в Казань по поводу 2-го тома Истории русской литературы и написанного В. П. Заключения: «Не ждите от меня редакторских коррективов. Я сообщу в замечаниях лишь свой личный взгляд как собеседник в ученом обсуждении. Хорошо было бы, чтобы в этом обсуждении участвовал еще кто-либо, кроме нас с Вами.

Не имея в распоряжении всего текста древнерусских томов, я лишен возможности быть точным и веским, настоящим рецензентом. Затем я обуреваем желанием видеть в Заключении нечто новое, искреннее, полученное от действительно пережитого материала, что-нибудь реальное, пластическое, нами работниками (смело) добытое. Но ведь это только желание, а вот как это выполнить — не по силам мне дать практическое предложение. В „Заключении“ у Вас все хорошо, недискутируемо, общеприемлемо, охватисто, очень содержательно, сытно. Все как надо. А я человек парадоксальный и бестактный, все уклоняюсь от колеи, все ищу неторной тропы — и потому противоречу. Но, может быть, именно такая позиция и будет для Вас небесполезной?» (оп. 2, № 15, л. 21 об.—22).

Даже читая тексты, казалось бы, далекие от его непосредственных научных интересов, А. С. Орлов постоянно мысленно обращался к древнерусским литературным памятникам. На обороте того же письма к нему В. П. Адриановой-Перетц он записывает: «Мих. Шолохов. Поднятая целина. Худож. лит-ра. М., 1935. „Ты о чем говоришь, дед? Ты что это несешь и с Дона и с моря?“ (т. е. несообразные слухи)».

Индивидуальность устной и письменной речи, столь характерная для самого А. С. Орлова, привлекала его и в других. И он всегда огорчался, если не находил ее. В этом отношении любопытно одно из его замечаний к студенческому реферату во время преподавания в I МГУ в 1928 г. Тогда Орлов вел семинар по изучению стиля русских писателей XIX в. Сохранились записи о рефератах по Чехову, Тургеневу. А. С. подробнейшим образом прочитывал каждый реферат и к каждому писал свою обстоятельную рецензию. В одной из них он привел такое сравнение со стилем рецензируемого реферата: «Представьте себе: Малый театр, Ермолова в „Орлеанской деве“. Она одета в сверкающие латы, держит в руках тяжелый меч, на голове у нее блестящий тяжелый шлем. Она выглядит как человек, совершенно не знающий, что такое XV век во Франции, как надевать вооружение. Казалось, что она проходила мимо Александровского училища, где выставлены типы вооружений, а потом отправилась к меднику и попросила сделать ей такое же вооружение, какое носили Николаевские кирасиры».

Сравнение, пожалуй, несправедливое для М. Н. Ермоловой, но убийственное для автора реферата. А вот еще свидетельство жены А. С. Орлова Марии Митрофановны: «С утра принялась слагать в уме ответ на письмо Ю. М. ‹Соколова› и только к вечеру, профильтровав его, написала. Все вышло гладко, без задоринки. А. С. написал тоже и — Боже мой! Какую я почувствовала разницу между его изложением и моим. У него свободно, легко, литературно, а мое в сравнении с его письмом вымучено».

И еще одна запись М. М. Орловой относительно впечатления А. С. после прочтения мемуаров жены: «Указал только на то, что описания личностей у меня односторонни и не полны, что все вылощено, хорошо скомпоновано, литературно изложено, но не ярко и не оригинально. . .»

Естественно, что от серьезных исследователей А. С. Орлов требовал особого внимания к слову. В статье «Мысли о положении работ по литературе русского средневековья», опубликованной посмертно, он писал: «Позволю себе настаивать на чуткости к родному языку, как непременном свойстве исследователя русских литературных памятников».[12]

Для уяснения тех задач, которые ставил себе А. С. Орлов как ученый, важна написанная им в 1934 г. (незаконченная (24 с.) и неопубликованная) работа «О способах применения данных лексики в литературном анализе памятников русского средневековья» (оп. 1, № 56). А. С. Орлов настаивает на повышенном внимании литературоведа к языку исследуемого произведения: «Дело здесь не в материале, — пишет Орлов, — а в отношении к нему: данные языка могут и должны изучаться и в литературном отношении, в интересах литературы». А. С. напомнил об ученых, соединивших в себе умения лингвиста и литературоведа: «Из ранних ученых этого типа следует назвать А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева, позднее — А. А. Потебню, А. И. Соболевского». И, конечно, не раз в связи с этим вспоминает А. С. Орлов любимого им. В. О. Ключевского.

В тезисах к своему докладу в Академии художественных наук 11 апреля 1924 г. «О поэтике средневекового творчества» Орлов говорил о слишком узком, школярском подходе некоторых преподавателей вузов к обучению церковно-славянскому языку: «Впервые я почувствовал неверность такого представления о кустарной автодидактической выучке старому языку на лекциях В. О. Ключевского, когда он мастерски переводил летописные цитаты, поражал нас сопоставлением дикой и абсолютно нам непонятной внешности подлинника и тонко-остроумного его содержания в переводе, сделанном по гениальной догадке». «И опять вспоминаю золотое слово В. О. Ключевского, — пишет Орлов в другом месте этих тезисов, — кот‹орый› некогда, исправляя мои переводы средневековых памятников, говорил, что выраж‹ение› „дурная женщина“ иное значит, чем „женщина дурная“» (оп. 1, № 142).

Упомянутая статья «О способах применения данных лексики. . .» связана с работой А. С. Орлова в конце 30-х гг. над описанием языка Киевской Руси для 1-го тома Истории русской литературы. В архиве сохранились рукописи и машинописные копии большого раздела: «Русский литературный язык в памятниках Древней Руси», а также множество подготовительных материалов к нему: обширных выписок из «Повести временных лет», «Хроники Георгия Амартола», «Слова о полку Игореве» и других древнерусских памятников старшей поры. Все выписки размещены по рубрикам: 1) Точность, 2) Лаконизм, 3) Образность. Здесь же составлен список использованной литературы, в нем несколько работ Н. Я. Марра, «Лекции по истории русского языка» А. И. Соболевского,

---

[12] ИОЛЯ. 1947. Т. 6. Вып. 2. С. 91.

две работы А. А. Шахматова — «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (в Энциклопедии славянской филологии, 1915) и статья «Русский язык» (в Словаре Брокгауза и Эфрона, т. 28); работы А. А. Потебни — «Из записок по русской грамматике» (3 тома), В. М. Истрина — «Очерк истории древнерусской литературы» (1922), Б. А. Ляпунова — «Введение в историю русского языка» (1911), Л. А. Булаховского — «Исторический комментарий к литературному русскому языку» (2-е изд., 1939).

Синтезом наблюдений над развитием художественного стиля литературы Киевской Руси XI—XII вв., по словам В. П. Адриановой-Перетц, стали работы А. С. Орлова о «Слове о полку Игореве» (1938) и Владимире Мономахе (1946). Работа с языком древнерусских памятников обострила индивидуальность языка работ самого А. С. Орлова (она и была ему близка, потому что в нем жило обостренное «чувство языка»). В статье «О способах применения данных лексики. . .» и в тезисах «О поэтике средневекового творчества» А. С. Орлов заставляет по-новому играть ставшее литературным штампом выражение «ткань повествования». В тезисах он, например, пишет: «Лексика — это асбестовые ниточки литературной ткани, по их неистлевающему пути исследователь уходит в понимание живого прошлого». Далее, говоря о такой черте средневековой книжности, как «интернациональность», А. С. Орлов продолжает развивать тот же образ: «Ориентализм и античность в византийской спайке — две цветные нити, которые можно проследить перевитыми в любой ткани любой средневековой книжности. Надо только помнить, что обе эти стихии были уже использованы Византией и поступили к европейским варварам, так сказать, из вторых рук».

Или вот, например, опять-таки расхожее сравнение произведения словесного искусства с живым цветком. Вот в каком виде возникает оно у А. С. Орлова в его неопубликованной при жизни статье «Мысли об изучении литературы как искусства» (1921), сохранившейся в архиве ученого. Эту цитату приводит В. П. Адрианова-Перетц в предисловии к книге А. С. Орлова «Язык русских писателей»: «Погоня „историй литературы“ за нетленной объективностью заставляет даже пожалеть об „эстетической оценке поэтических творений“, которую отрясал, как прах, Н. С. Тихонравов с „Истории русской словесности“ А. Галахова. То было 45 лет тому назад, когда эстетика лепетала еще неясные речи и за свой гостинный дилетантизм получила справедливое возмездие. Но она же и отомстила, очистив арену литературного изучения от своего присутствия и всецело предоставив ее гербаризации еще живых элементов средневековья. Теперь этот гербарий высох до степени заиконного букета гоголевской Малороссии и угрожает сам рассыпаться прахом».[13] В печатном варианте этой работы, увидевшей свет стараниями В. П. уже в 1947 г. в Известиях АН, когда мы читаем фразу А. С. Орлова: «. . . рассказать о литературно-художественных элементах структуры средневекового памятника <. . .> педагогически необходимо, иначе история литературы похожа на гербарий, где растения лишены и соков, и цвета», — мы глубже понимаем и самую мысль автора, и тот образ, который встает за этим сравнением.

Мысль о необходимости лингвистических наблюдений над изучаемым текстом привела А. С. Орлова к мысли о необходимости стилистического анализа и вплотную — к вопросам поэтики. В архиве ученого большую долю занимают материалы, показывающие его работу над вопросами исторической поэтики. Остро чувствуя «художественность» древнерусских литературных памятников, А. С. Орлов стремился к научному пониманию ее природы. В черновых набросках на эту тему он писал: «. . .для того

---

[13] Орлов А. С. Язык русских писателей. С. 10.

чтобы определить поэтику этой литературы, естественно прежде всего определить наличность признаков, которые отчуждают эту литературу от позднейшей или являются родственными последней, например, — в виде зачатков, развившихся позднее. Такое определение строго основывается на материале и, ввиду сложности его создания, на первое время может быть выполнено описательно, без претензий на теоретизацию». Эта описательная работа, по мысли А. С. Орлова, требует «положительного знания литературного языка средневековья и четкого понимания этого языка» (оп. 1, № 142). С начала 1920-х гг., когда накопился опыт работы над стилем «воинских повестей», А. С. Орлов обращается к широким размышлениям и обобщениям. К 1922—1924 гг. относятся сохранившиеся в его архиве статьи «Историческая поэтика» (оп. 1, № 36), упоминавшиеся выше развернутые тезисы «О поэтике средневекового творчества», заметка «Средневековое миросозерцание», заметка «Мысли об изучении литературы как искусства. Применительно, главным образом, к русскому средневековью» (доклад под таким названием был прочитан 29 мая 1921 г. в Обществе любителей российской словесности) (там же). Вероятно, в интересе А. С. Орлова к этим проблемам сыграло определенную роль и то, что начало 1920-х гг. — это время повышенного интереса филологической науки к вопросам формы, художественного языка, поэтики в целом. Правда, эти вопросы наиболее остро волновали петроградских ученых, А. С. Орлов же был коренной москвич не только по рождению, но и по научным пристрастиям. Тем не менее сам факт прихода его как исследователя в это время к мысли о необходимости изучения исторической поэтики показателен. «. . . При долголетних занятиях над формою средневековых произведений, — писал А. С., — я, так сказать, пропитался темами формального анализа, постановкой их и решениями. Эта насыщенность несколько стеснительна, так как мешает выражению, планомерному и последовательному. Хочется сказать все или многое сразу, а выговариваются лишь части, и притом не самые существенные» («О поэтике средневекового творчества», 1924). Однако А. С. Орлов все же наметил некоторые пути изучения той области, которую еще предстояло глубоко исследовать. Важно, что эти пути были весьма конкретны. «Материал для описательной поэтики, — полагал А. С. Орлов, — собирать нетрудно потому, что средневековая книжность трафаретна. . . Следовало бы прежде всего дать серию толковых словарей поэтики каждого вида книжности. Рубрики таких словарей даст сам материал, навязывать их не придется». Наиболее легко выделяемой частью таких рубрик А. С. Орлов считал «часть метафорическую в широком смысле». Он писал: «Литература приобрела вид метафоры, обязательной для употребления». В этих заметках появляется выражение «словесная внешность», decorum. «Этот словесный decorum выражения представляет собою чрезвычайно любопытный материал для поэтики. Материал, раздражающий своей неправдивостью, но тем более требующий расшифровки» (там же). Эта «неправдивость» древнерусского художественного текста обозначала для А. С. Орлова, вероятно, ту меру условности средневекового искусства, которая и делала его искусством. При всей, казалось бы, ясности задач изучения исторической поэтики, в котором А. С. Орлов во многом шел от А. Н. Веселовского, были и для него самого очевидные сложности: «Трудностью при описании приемов является сама система описания. . . По моему мнению, реторическая классификация средневековья должна создаваться еще, а не налагаться в виде готовой сети» (там же). Но и позже, в конце 20-х годов, А. С. Орлов продолжал разрабатывать эти проблемы на конкретном и знакомом ему материале. Сохранился «Календарный план работ подсекции фольклора и других русских литератур» на 1927/28 учебный год в I МГУ (оп. 2, № 26, л. 227). В нем выделена особая тема, предложенная А. С. Орловым: «Методологические проблемы фольклористики и истории средневековой русской литературы, в частности, ряд бесед о методологических путях исследования,

прокладывавшихся некоторыми учеными XIX—XX вв. (Буслаев, Тихонравов, Веселовский, Келтуяла)». Согласно этому плану, 13 января А. С. Орлов читал лекцию-доклад «О смене формальных шаблонов средневековой исторической повести». Возвращаясь к мыслям А. С. Орлова начала 20-х гг. об исторической поэтике, необходимо указать и на выделенную А. С. такую черту древнерусской литературы, как «существование драматизма вне организованной формы драмы» (оп. 1, № 36): «Прямая речь наших повестей свидетельствует о том, что драматическое изображение являлось существенным элементом слова и свидетельствует об исконном драматизме нашей литературы, о том, что, явившись сначала как некий примитив, прямая речь стала затем источником национальной драмы нашего времени . . . Здесь, в диалогах и монологах исторических повестей, заключается исконный русизм нашей своеобычной драмы».

И в других набросках этого времени А. С. Орлов высказывает, конкретизируя, ту же мысль: «Драматический диалог с пересказом действия всюду рассеян и по летописи и по житиям, поражая народностью живой речи в таких юридических памятниках, как допросные дела (напр<имер> — Суд над Максимом Греком и над Вассианом Косым), как правовые грамоты. Только по предвзятости историки старого театра пропускают такую показательную вещь, как Повесть о похищении престола Годуновым, где живейше драматизированы в диалогической форме целые сцены. Все эти элементы русского национального театра ждут применения методов, выработанных на Островском» (оп. 1, № 142, л. 10).

Так изучение поэтики средневековой русской литературы подводило А. С. Орлова к вопросу о ее национальном своеобразии, причем национальную самобытность А. С. Орлов понимал не как нечто единое и постоянное. Вопрос об особенностях средневековой русской литературы, вставший перед А. С. Орловым в 1920-е гг., был снова поднят им в статье «К изучению средневековья в русской литературе» (сборник статей «Памяти П. Н. Сакулина. Никитинские субботники». М., 1931. С. 186—194), в которой во многом нашли отражение прежние наблюдения А. С. Орлова, сохранившиеся в его рукописях.

Позже А. С. Орлов вновь вернулся к вопросу о национальной самобытности древнерусской литературы. В приводившемся уже письме В. П. Адриановой-Перетц в Казань во время Великой Отечественной войны А. С. Орлов писал: «Самое дорогое для меня в средневековой русской литературе — национальные черты, которые везде там, обычно покрытые коркой. Они везде таятся, их надо чуять и отыскать, и показать. А это тема особой, специальной работы, еще не начатой. „Образность“, „живой язык“, „фольклор“ и т. д., собственно, ничего не говорящие термины, подстановка слов вместо существа явлений народности. Если бы эта тема была разработана, ее выводы могли бы проходить нитью, скрепляющей любой синтез средневекового материала, ведущей из прошедшего в будущее, в наше время и далее. . .» А раньше, в апреле 1940 г., в возглавляемом А. С. Орловым Отделе древнерусской литературы ИРЛИ был поставлен на обсуждение его доклад «Особенности средневековой литературы как тема для теоретической работы ОДРЛ».[14] К докладу А. С. подготовил тезисы, которые предлагались для предварительного обсуждения, и приложение — перечень важнейших, с его точки зрения, особенностей средневековой русской литературы. В обсуждении доклада приняли участие В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, М. О. Скрипиль (ф. 150, 1940—1941, № 23). «Признаки средневековья», выделенные А. С. Орловым, как отметила В. П., «пока имеют вид эмпирически установленных фактов, не объясненных еще как один из элементов средневековой

[14] Подробнее об этом докладе А. С. Орлова см. мою статью об истории Сектора (Отдела) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 25—26).

культуры, неподвижных, как будто одинаковых для всего средневековья». Однако перечень «признаков средневековья» А. С. Орлова, сказала на обсуждении его доклада В. П. Адрианова-Перетц, послужит своего рода «рабочей гипотезой для сотрудников». Позднее на более обширном материале особенности поэтики древнерусской литературы в их историческом развитии были исследованы В. П. Адриановой-Перетц в ее работе «Очерки поэтического стиля древней Руси» (1947) и особенно Д. С. Лихачевым в «Поэтике древнерусской литературы» (1-е изд. — 1967). Когда была завершена работа над «Историей русской литературы», В. П. Адрианова-Перетц выдвинула, а А. С. Орлов поддержал тему для работы Отдела «Историческая поэтика средневековья». По этому поводу Адрианова-Перетц писала из Казани Орлову: «Имея во главе Отдела Орлова, давно уже поставившего вопрос о древнерусской стилистике, мы теперь, закончивши „Историю литературы", должны организовать изучение во всем объеме литературного мастерства XI—XVII вв. (жанр, стиль, язык), притом в его развитии, имея отправную точку в византийских образцах» (оп. 1, № 1, письмо от 14 марта 1943 г.). В 1945 г. в совместной статье «Литературоведение русского средневековья» В. П. Адрианова-Перетц и А. С. Орлов писали: «. . . но исследование эстетических данных литературных произведений стоит еще на втором плане, хотя ряд опытов в этом направлении уже существует».[15]

Помимо стремления к постановке теоретических вопросов, интереса к проблемам влияний, самобытности, стилистике древнерусской литературы, А. С. Орлов оставался ученым-книжником (в смысле «знатоком древнерусской книги»). Время работы в библиотеке Синодальной типографии не прошло даром. Не случайно А. С. Орлов возглавил в Ленинграде Институт книги, документа и письма, преобразованный позже в Отдел исторических вспомогательных дисциплин Академии наук. Не случайно и настойчивое стремление А. С. Орлова к изучению репертуара древнерусской книжности во всем его объеме, призыв к специалистам-древникам «разойтись по книгохранилищам»: «Было бы правильно разойтись по книгохранилищам и в каждом из них перечесть в подлиннике весь состав, рукописный и старопечатный». Сейчас ни одно серьезное изучение древнерусского памятника литературы невозможно без тщательного восстановления истории его текста, рукописной традиции, но тогда этот призыв А. С. Орлова был, очевидно, в некоторых случаях, актуален. В архиве А. С. Орлова, даже при общем его обозрении, отчетливо видны следы его работы с древнерусскими рукописями: выписки из них, их описания, зарисовки инициалов букв, орнаментов, водяных знаков, археографические обзоры и т. д. Вскоре после Великой Отечественной войны А. С. Орлов предложил начать большую работу по научному изданию текстов древнерусских памятников.

В указанной совместной статье А. С. Орлова и В. П. Адриановой-Перетц говорилось об одной из задач литературоведения русского средневековья — организовать специальное планомерное обследование рукописного и печатного материала по истории древней русской, украинской и белорусской литературы и языка. Там же была высказана мысль о продолжении работы, которую вела с 1907 по 1935 г. Комиссия по изданию памятников древнерусской литературы (КПДЛ) — о планомерном издании памятников. Результатом этой описательной и издательской работы должна была стать, по мысли авторов статьи, «библиотека избранных сочинений русского средневековья, содержательно комментированных, показанных в их историческом и художественном значении».

Но это были не только теоретические пожелания работы на будущее. В архиве А. С. Орлова мы находим обширный материал, показывающий,

[15] См.: ИОЛЯ. 1945. Т. 6, вып. 6. С. 14.

с каким постоянством он думал над этими вопросами. Еще в 1929 г. он был озабочен подготовкой серьезных архивных кадров. Сохранился протокол заседания Бюро заочного обучения по литературе, истории и философии при I МГУ от 21 июня 1929 г. (оп. 2, № 26, л. 191): «Слушали: Сообщение Орлова по вопросу об организации при архивном цикле заочного ф-та занятий по сокращенной программе краткосрочного характера в целях повышения квалификации сотрудников учреждений Центрархива». Этот заочный факультет, к сожалению, просуществовал недолго, так как не собрал нужного количества слушателей.

Два года спустя, в 1931 г., А. С. Орлов опубликовал статью «Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды»,[16] в основу которой лег доклад, прочитанный в Музее книги, документа и письма 2 апреля 1931 г. При сопоставлении архивного текста доклада (оп. 1, № 145) с напечатанным видно, что А. С. Орлов не просто расширил рамки доклада, но дополнил его более конкретными и точными примерами, отказался от, может быть, эффектных, но мало дополняющих смысл уже сказанного цитат и, наоборот, развернул аргументацию положений, доказательство которых в докладе считал недостаточным. Так, по сравнению с текстом доклада, оставшимся в архиве ученого, в статье расширены исторические экскурсы, рассмотрена история феодальной Руси с точки зрения борьбы классов, более подробно разбирается вопрос о том, что называть энциклопедией, и А. С. Орлов задается вопросом, что и когда обозначали этим термином ученые и как сами древние составители разных сборников относились к своему материалу. Приведу предварительные записи А. С. Орлова об этом материале (оп. 1, № 145, л. 39): «Об энциклопедии. Указать на то, что и теперь разные формы энциклопедии. . . Брокгауз, Британская. . . Энциклопедия славянской филологии! „Энциклопедия“ — это метафора. Все — энциклопедии, часть — нет. Затем, что кто считает энциклопедией: средневеки считают одно, а мы, теперешние — другое. Вопрос об авторе и читателе (читатель возьмет и воспользуется энциклопедией как новеллами?!). Зачем тогда — это энциклопедия, а теперь — новеллы (см. Пыпин). Затем, одна форма переходит в другую, очень трудно разграничить. Да и вообще с терм<инологией> плохо, нап<ример>, жанры». Введены рассуждения о «Физиологе», о «Златой матице». Подробнее сказано и о зависимости русского «Домостроя» от «Измарагда». Кое-что ушло в сноски, более развернутыми стали размышления об «энциклопедичности» Лицевого свода, более четко, чем в рукописи, высказана мысль о том, что в переломные исторические периоды определенные «круги знания» (термин А. С. Орлова) отлагаются в «курговую» типическую форму книг. Речь идет о XVI в. и об объединительных предприятиях в культурной жизни Московской Руси. Знакомясь с рукописью доклада, видим, сколь велика была по объему подготовительная работа. Здесь много выписок из древнерусских сборников, «Домостроя» и разных отдельных сочинений: «Измарагда», «Христоматии» Буслаева (дан перечень страниц, где помещены нужные тексты), указаны нужные страницы из книги А. И. Соболевского о переводной литературе Московской Руси, приложен обширный перечень книг, которые носили, как полагал А. С. Орлов, «энциклопедический хар<акте>р»: «Византия и южные славяне: Патерики (м<ежду> пр<очим> азбучный). Минеи и Пролога, Триоди, Кормчии и Номоканоны, Уставы монастырские, Церковное летосчисление, иноческие сборники определенного состава, сборники проповедей определенного состава (Златоструй, Златоуст, Торжественник, Златая цепь, Измарагд). Сборники изречений: Пчела и патерики, Акир, Физиолог, Бестиарий, Повесть об Индийском царстве во 2-й ред., О пускании крови и диете соответственно констелляции, Грамматические труды Святославова Изборника, изданные

[16] Докл. АН СССР. 1931. № 3. С. 37—51.

Ягичем, орфографические словари (Климент Смолятич), Речь тонкословия греческого, вопросо-ответные статьи: Беседа 3-х св. (Стих о Голубиной книге), Добротолюбие, Варлаам и Иоасаф, Стефанит и Ихнилат, Иконописный подлинник, Индекс книг истинных и ложных, пасхалия и церковное счисление, Домострой; Тестамент Василия, царя греческого сыну его Льву, Аристотелевы врата» (л. 47).

Архив, если он сохранен более или менее полно, всегда раскрывает личность ученого с каких-то новых сторон, иногда неожиданных. В архиве А. С. Орлова «уживаются» серьезные труды и детские и юношеские стихи, шуточные пародии, бытовые письма домашним, едкие и иногда злые шутки над близкими. Выделив несколько наиболее важных для всего научного пути А. С. Орлова тем и проследив их разработку ученым по его архиву, мы видим, что даже то, что осталось за пределами печатных работ А. С. Орлова, дает представление о цельности его научных устремлений.

2 Заказ 1415